

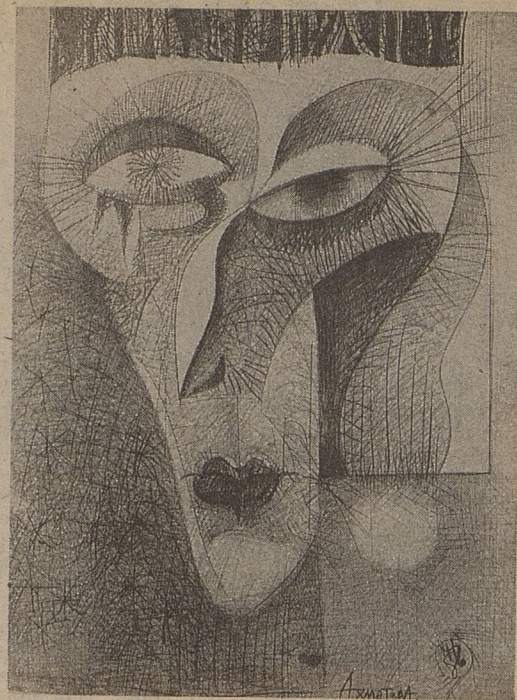

РАБОТЫ
ВСЕВОЛОДА
РУХМАЛЕВА:

А. Камю,
1986.

А. Ахматова,
1986.

Фото И. Новосёлова.

Послесловие к небывшему вернисажу

«...Все зависит от того, как скоро зарюют эту траншею. Там такая траншея напротив Дожа кино. Если бы это было в Сухуми, там, наверное, уже автоматчики бы сидели, танки бы поставили... Так уж повелось: судьба выставки зависит от траншей и окопов, а эстетические споры с художниками выясняются посредством экскаваторов.

С Всеволодом Рухмалевым мы разговаривали полгода тому назад. В Самарском доме кино должна была открыться его персональная выставка. Не открылась. Видимо, траншея оказалась глубже, чем уровень городских коммуникаций, а окопы — неизгладимы, как морщины.

— Повезло... А уж теперь не знаю, повезло или не повезло... родиться на том свете, не на этом. В Китае, 16 лет там прожил. Родители уехали туда еще до 17-го года. Когда здесь этот скандал случился, решили остаться там. Отец работал в американской электрической компании, а мать была домохозяйка, хотя окончила Томский университет, юридический. А в 48-м, после войны, вернулись сюда. Ностальгия? Может быть... Они знали, что здесь «тяжело». Но что значит «тяжело», когда ты на обед ешь жареного фазана и лишь умозрительно

представляешь, что бывает иначе... Зато сегодняшний соблазн материального достатка для меня не соблазн. У меня это уже было.

— У меня два занятия в жизни. Разговорный американский язык. Поскольку колледж-то я окончил американский — иезуитский, монахи преподавали, миссионеры... И рисование. Рисовать начал поздно, к sorrow, после смерти друга. Пытался его нарисовать. И первый портрет был фотореалистический. Ну очень похожий, все так говорили. А я, зная этого человека хорошо, не поверил, что он действительно такой. И меня от фотореализма отшвырнуло немножко в другую сторону.

Бродский, Стравинский, Ахматова, Гоголь... Я рисую сериями. Конечно, они мне не позировали. Я их читал, видел много фотографий, настраивался на них.

Вот ведь каллиграфы японские, китайские, чтобы написать иероглиф, чтобы в нем была заложена очень большая энергия, должны прежде настроиться. Это путь медитации? Теперь для всего нашли определение. Раньше это было просто. Мистика.

— Школы у меня нет. Брал уроки рисования у Зингера, в вечерней художественной школе. Недолго — одну зиму. Неинтересно стало. Я до сих пор

не знаю, какое у меня направление, и особенно не мучаюсь этим, и комплексов нет никаких.

— Я не принадлежу к Союзу художников, это было исключено начисто. Я вообще... Хотя нет, принадлежу теперь к самарской «Палитре». Это объединение независимых художников. Независимых от чего? От денег в основном.

— Это было при покойном папе Капице в Институте физических проблем. В октябре 79-го почти месяц, пока он был жив, там регулярно проводились выставки, зал был специально оборудован. Обсуждение было — полный зал. Критики всякие, искусствоведы. С этой выставки начали серьезно покупать мои работы. А как получилось? Собирался Гриша ехать в Москву. А Гриша, он — физик, сейчас в Америке живет... И говорит, давай выставимся у Капицы. Взял работы с собой. А у них правила были очень простые: смотрят работы и говорят, интересно им это или нет. Ну и вот, вернулся Гриша из Москвы, сказал: все, они нам назначают, с такого-то и по такое-то.

— А лица все узнаваемые. За исключением Ли Бо, а Ли Бо жил в VII веке, и, естественно, никто его не видел... Покойный Ерошевский, офтальмолог, Тихон Иванович... Я много лет с

ним общался, консультировал его по языку. Так он говорил: у каждого человека, оказывающегося, глаза разные. Левый и правый — разные.

Объяснять что-либо просто смешно. Мы видим по-разному. Так уж природа сделала, а иначе скучно было бы...

— Мы сейчас поедем к Петровичу. У него много моих работ, большая коллекция... А я считаю, у художника вообще не должно быть его работ на шкафу. Они должны расходиться — или продавай, или отдавай... Ну потому что смешно копить. Ну смысла нет, нет смысла, понимаете? Смысл в том, чтобы они уходили от тебя. Я жив, пока и я рисую, и мне интереснее новые делать, а старые пускай уходят. В Москве много моих работ, у физиков, у медиков. Многие развезлись по миру — в Афины, Нью-Йорк, Тель-Авив, Хьюстон. С теми, кто уехал отсюда, с кем я занимался языком перед их отъездом...

— Да, это все-таки элитарные вещи. В том смысле, что прекрасно живут люди, и не читав ни Пруста, ни Джойса, ни Кафки. И им ни при какой погоде не нужны эти портреты мои. Да и вообще у каждого художника есть свой узкий круг почитателей, и все.

А известность — это когда круг расширяется. Но это не значит, что все любят его. Картины, во-первых, выгодное помещение капитала — они дешеветь не будут...

— А во-вторых: «Есть такая порода людей, которая точно знает, с кем можно чувствовать себя вольготно. Прежде всего с теми, кто по мере сил ведет себя порядочно — и кому кажется неприличным пользоваться всеми выгодами своего положения». (Альбер Камю. «Записные книжки»).

Ирина ЛУКЬЯНОВА